

СЕНТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1917 г. В ТАШКЕНТЕ *

Р. Голубева

Временное правительство, пришедшее к власти 2 марта 1917 г. в результате февральской буржуазно-демократической революции, в отношении Туркестана продолжало проводить политику царизма.

В апреле 1917 г. Временное правительство направило в Туркестан так называемый Туркестанский комитет Временного правительства. Комитет, обладавший правами дореволюционного генерал-губернаторства, действовал от имени Временного правительства в трех коренных областях Туркестанского края: Самаркандской, Сыр-Дарьинской, Ферганской, — а кроме того в Закаспийской и Семиреченской областях и в пределах Хивы и Бухары¹.

В сентябре 1917 г. руководящая роль в Туркестанском комитете принадлежала председателю Наливкину² и члену комитета Шендрик-кову³; в областях и уездах были представители комитета — комиссары — из старых уездных начальников и приставов, алаш-ордынцев (буржуазных националистов), эсеров и меньшевиков.

Туркестанский комитет не разрешил ни одного из коренных вопросов революции: ни национального, ни аграрного, ни рабочего. Трудящиеся массы находились попрежнему под двойным гнетом — «своей» и русской буржуазии; этот гнет революционизировал массы и толкал их на борьбу с Временным правительством, меньшевиками, эсерами и буржуазными националистами. «Двойной пресс угнетения не может не революционизировать трудовые массы угнетенных национальностей, не может не толкать их на борьбу с основной силой угнетения — на борьбу с капиталом. Это обстоятельство послужило той базой, на основе которой пролетариату удалось осуществить соединение «пролетарской революции» не только с «крестьянской войной», но и с «войной национальной»⁴.

Особенно усилилось революционное движение в Туркестане в связи с ликвидацией корниловщины.

В сентябре в Самарканде забастовали рабочие картонажного отделения товарищества Газарова. В Ташкенте бастовали машинисты Туркестанской железной дороги. В первых числах сентября рабочие хлопковых, маслобоянных и мыловаренных заводов — основной промышленности Туркестана — предъявили ряд требований капиталистам. В ответ некоторые фабриканты объявили локаут.

* Глава из диссертации «Великая Октябрьская революция в Узбекистане», защищенной автором на степень кандидата исторических наук. Даты в тексте статьи по старому стилю.

¹ «Вестник Временного правительства» № 26 за 1917 год.

² В. П. Наливкин — депутат 2-й Государственной думы от Ташкента, примыкавший к меньшевикам, бывший вице-губернатор Ферганской области.

³ Шендрикков — доверенное лицо Керенского, член с.-д. группы «Единство», участвовал в расстреле ленинских рабочих в 1912 году. Впоследствии Шендрикков служил у Колчака.

⁴ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 141—142. 1936.

В кишлаках аграрное движение прежде всего проявилось в борьбе за землю и воду. Чиновники Временного правительства доносили о случаях отказа от уплаты налогов, о стремлении захватить казенные земли. Дехкане не пускали воду на казенные земли, выступали против засилья в кишлачных комитетах баев, духовенства и чиновников.

Усилилось движение и в армии. Солдаты 1 и 2-го запасных сибирских стрелковых полков и крепостная рота, находившиеся в Ташкенте, отказались выполнить приказ о пополнении маршевых рот, отправляемых на фронт. В Самарканде в сентябре на митингах в запасных частях солдат призывали бороться с Временным правительством за установление власти рабочих и дехкан, за прекращение империалистической войны. В целом ряде воинских организаций в Новой Бухаре, Коканде, Перовске и в других городах по докладам большевиков были приняты резолюции о передаче власти в руки советов.

В Ташкенте во время так называемых сентябрьских событий произошло стихийное выступление масс против Временного правительства под лозунгом передачи власти советам.

Сентябрь 1917 г. вообще можно характеризовать как переломный момент во всей истории революции 1917 г. в России. «Конец сентября,— писал Ленин,— принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции»¹. В сентябре, после разгрома Корнилова, началась полоса оживления и обновления советов, полоса «б о л ь ш е в и з а ц и и Советов»².

Центром борьбы в Туркестане был Ташкент, где большевики развернули большую революционную работу.

11 сентября большевики Ташкента на совещании краевых демократических организаций внесли предложение объявить совещание революционным комитетом, к которому должна перейти вся полнота власти. Предложение большевиков было отклонено 11 голосами против 6. За предложение большевиков голосовали представители железнодорожников и почтово-телеграфного союза и член ВЦИК СР и СД рабочий-большевик А. Першин³.

Большевики в виде протеста покинули собрание. Они ушли на заседание исполкома Ташкентского совета, на котором присутствовало много рабочих, как русских, так и из коренного населения, а также солдат. Большевики на заседании исполкома внесли только что провалившуюся на совещании краевых демократических организаций резолюцию об организации ревкома. Правые эсеры прапорщик Б. Першин — председатель Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов — и прапорщик Терлецкий — товарищ председателя совета — подали письменное заявление о сложении полномочий и вместе с остальными правыми эсерами, присутствовавшими на собрании, покинули последнее. После их ухода исполком Ташкентского совета принял резолюцию большевиков о передаче власти советам, создании ревкома и об устройстве общегородской демонстрации.

Сбежавшие с собрания эсеры Б. Першин (не смешивать с рабочим-большевиком А. Першиным) и Терлецкий отправились к командующему войсками генералу Черкесу и сообщили ему о принятой исполкомом резолюции.

Туркестанский комитет Временного правительства в страхе перед возможностью революционного выступления масс запретил митинги 12, 13, 14 и 15 сентября⁴. Но несмотря на это массы рабочих и солдат

¹ Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 235.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 194, 1938.

³ «Свободный Самарканд» № 73 от 17 сентября 1917 года. Центральное архивное управление Узбекской ССР, ф. Совнаркома. 1917 г., арх. 12, л. 111.

⁴ «Наша газета» № 115 от 12 сентября 1917 года.

12 сентября вышли на улицу и в бывшем Александровском парке состоялся многотысячный митинг. На митинг прямо с работы явились железнодорожники и рабочие ряда других предприятий, пришли на митинг солдаты 1 и 2-го запасных сибирских полков, много узбеков из старого города¹ Ташкента. «Поразительную, потрясающую по своей силе и мощности картину представлял этот митинг в Александровском парке. Собралось не меньше десяти тысяч² человек. Стоя на трибуне и глядя на собравшихся, мы чувствовали, что именно на нас, на большевиков, лежит теперь ответственность за дальнейший ход революции, что рабочие доверяют нам и требуют от нас решительных действий, что вся эта огромная масса готова к борьбе за рабочую власть, нужно только эту массу организовать и сплотить»³.

Лозунги большевиков «Вся власть Советам!», «Долой империалистическую войну!», «Фабрики и заводы рабочим!», «Земля крестьянам!» были близки собравшимся. Выступавших большевиков Шумилова, А. Першина и других встретили с восторгом. Рядовые рабочие и солдаты произносили пламенные речи. Об этих выступлениях участник митинга пишет следующее: «Солдат, недавно прибывший с фронта, говорил с трибуны вещи, которые глубоко запали в душу; я не знаю, кто такие большевики, я еще не знаю всего того, что они хотят сделать, но они за власть советов, за передачу земли беднякам-крестьянам... Большевики против золотопогонников, против продолжения кровавой войны, не пусть поднимает руку тот, кто желает продолжать эту бойню»⁴.

В тех же воспоминаниях читаем о выступлении другого солдата: «Если большевики против войны, если они против помещика и деревенского богатея и за передачу земли нам, беднякам-крестьянам, то я тоже за большевиков»⁵.

На митинге выступали и правые эсеры и анархисты, но их встречали враждебно, некоторых даже стаскивали с трибуны.

На митинге был поднят вопрос о власти. На голосование были поставлены три резолюции: большевиков, «левых» эсеров и анархистов. С огромным подъемом была принята резолюция большевиков:

«Обсудив вопрос о создавшемся в Ташкенте остром продовольственном кризисе и рассматривая его в общероссийском размере, вся ташкентская революционная демократия в лице 1 и 2-го сибирских полков, мелких команд, рабочих Ташкентской и Среднеазиатской железных дорог и представителей революционной демократии города Ташкента, собравшись 12 сентября на митинге в Александровском парке, считает необходимым заявить, что из создавшегося положения они видят выход: 1) в немедленной реквизиции находящихся у капиталистов предметов и продуктов первой необходимости, что может выполнить только местная власть, опирающаяся исключительно на советы РС и КД; 2) в осуществлении полного контроля над производством и распределением продуктов; 3) в национализации банков и предприятий, имеющих государственное значение; 4) в правильном обмене продуктов между деревней и городом с тем, чтобы крестьяне могли получить мануфактуру, городские продукты и сельхозорудия, а городское население — хлеб; 5) в немедленном переходе всех земель без выкупа в руки трудового крестьянства; 6) в издании закона, запрещающего закрытие фабрик и заводов без разрешения совета рабочих депутатов, профессиональных и фабрично-заводских комитетов; 7) в немедленном издании закона о страховании безработных за счет предпринимателей; 8) все из-

¹ Ташкент, как и многие другие города Туркестана, делился на старый и новый город.

² В «Рабочем пути» напечатано: «...не менее 7 тысяч».

³ Шмаков «Первые годы борьбы», стр. 9.

⁴ Из воспоминаний, хранящихся в фонде «Истории гражданской войны» (ИГВ). Т. XII, папка 21, д. 11, л. 54.

⁵ Там же.

ложенное может быть осуществлено при условии немедленной передачи всей полноты власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; 9) немедленное образование революционного комитета в Ташкенте из представителей всех органов революционной демократии, который с завтрашнего же дня взял бы всю полноту власти, провел бы немедленный учет всех необходимых продуктов и взял бы на себя их распределение.

Касаясь организации власти на местах, собрание считает необходимым немедленное принятие всей полноты власти советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹.

Митинг решил впредь до созыва краевого съезда советов организовать временный революционный комитет, в самом же Ташкенте всю власть передать Ташкентскому совету. Во временный революционный комитет было избрано тут же, на митинге, 14 человек: 5 большевиков, 2 меньшевика, 5 эсеров и 2 анархиста.

Революционному комитету было поручено вручить резолюцию митинга Ташкентскому совету рабочих и солдатских депутатов для немедленной отправки ее в Петроград во ВЦИК СР и КД, Всероссийскому демократическому совещанию и Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов.

12 сентября, в 4½ часа дня, ревком, избрав президиум, приступил к работе.

Во временном ревкоме большинство было эсеро-меньшевистским, большевики там были в меньшинстве.

Отвечая эсеровскому органу «Дело народа» по вопросу о едином революционном фронте, товарищ Сталин, приводя пример Ташкента, писал:

«Вы хотите единого революционного фронта? Поддержите Советы, порвите с правительством Керенского и единство придет само собой. Единство фронта складывается не в результате прений, а в ходе борьбы...

В Ташкенте Совет, состоящий в своем большинстве из эсеров, взял власть в свои руки, сместив старых чиновников. А правительство Керенского посылает туда карательную экспедицию, требуя восстановления старой власти, «наказания» Совета и пр...

Нам говорят об единстве революционного фронта. Но единство с кем?

С партией эсеров, у которой нет мнения, ибо она молчит?

С группой Керенского, которая собирается громить Советы?

Или с группой ташкентских эсеров, которые творят новую власть во имя революции и ее завоеваний?

Мы готовы поддержать Ташкентский Совет, мы будем бороться в одних рядах с революционными эсерами, с ними у нас будет единый фронт...

Вы хотите единства фронта с большевиками? Порвите с правительством Керенского, поддержите Советы в их борьбе за власть — и единство будет»².

В Ташкенте «левые» эсеры выступили против Временного правительства, отражая там, как и в других местах, настроения крестьян, их «недовольство политикой соглашательства с буржуазией»³. Туркестанские большевики, выступая единым фронтом с «левыми» эсерами, поступали правильно, но они не учли всех указаний, которые товарищ Сталин давал в своих статьях, и не разобрались до конца в том, что же

¹ ЦАУ УзССР, ф. Ташкентского (Новгородского) исполкома, 1917 г., арх. 1, л. 110; ф. СНК, 1917 г., арх. 12, л. 110; «Наша газета» № 117 от 14 сентября 1917 года.

² И. Сталин «На путях к Октябрю». Статьи и речи. Март — октябрь 1917 г. стр. 171—172. 1925.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 194.

представляли собой «левые» эсеры. Товарищ Сталин оправдывал тактику единого фронта, но требовал, чтобы большевики поддерживали только тех эсеров, которые порывали с Керенским и боролись за установление власти советов. Большевикам Туркестана следовало бы быть вожаками единого фронта, чего на деле не получилось. Большевики Туркестана должны были бы разоблачать колебания «левых» эсеров, их половинчатость, но на самом деле они этого не выполняли.

Избрание ревкома вселило большое беспокойство среди представителей и сторонников Временного правительства в Ташкенте. Командующему Туркестанским военным округом генералу Черкесу не удалось разогнать митинг 12 сентября: военные части, получившие от него соответствующий приказ, отказались его выполнить. Тогда 12 сентября, в 5 часов вечера, было устроено экстренное совещание Туркестанского комитета Временного правительства с представителями краевого совета рабочих и солдатских депутатов¹ и командующим генералом Черкесом. На этом совещании член краевого совета правый эсер Гросман предложил действовать решительно и твердо и изолировать вожаков. К нему присоединился генерал Черкес, предложивший немедленно арестовать членов ревкома. Совещание быстро согласилось с этим предложением и в качестве «подходящих» для этого дела людей наметило Черкеса и правых эсеров Гросмана и Терлецкого. 12 сентября, вечером, в «Доме свободы»² в разных комнатах заседали революционный комитет и Ташкентский совет рабочих и солдатских депутатов. Ревком занимался вопросом о получении реальной помощи от воинских частей: он разослал в воинские части телефонограммы с приказом подчиняться его распоряжениям и быть наготове.

Заседание Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов ввиду большого количества присутствующих было перенесено на террасу. На заседание совета пришли воинские части со знаменами, рабочие железнодорожных мастерских и депо станции Ташкент, рабочие типографий и других предприятий. В саду перед террасой собралось около десяти тысяч³ человек, многие вследствие недостатка места влезли на деревья и крышу «Дома свободы». Предстояло избрать новый исполком. Правые эсеры демонстративно ушли с собрания. Был избран новый исполком во главе с председателем «левым» эсером Черневским. Исполком состоял из семи большевиков — Шумилова, Першина А. и других, — десяти меньшевиков и шестнадцати «левых» эсеров. Правые эсеры не были избраны в исполком, но зато «левые» эсеры опять оказались в нем в подавляющем большинстве⁴.

В тот же день, в 10½ часов вечера, Черкес, собрав юнкеров, роту прапорщиков и казачью конвойную команду, вооружив их пулеметами и бомбами, оцепил «Дом свободы» и арестовал ревком. В момент ареста некоторые из членов ревкома бросились к телефону, но провода оказались перерезанными, тогда они подбежали к окнам и увидели на улице против дома вооруженных юнкеров с пулеметами, дула которых были направлены на окна.

Арестованных членов ревкома Черкес отправил в тюрьму. Известие об аресте ревкома вызвало взрыв негодования у собравшихся в саду «Дома свободы» рабочих и солдат; возмущенные, они потребовали Черкеса для объяснений.

¹ Во главе краевого совета стояли меньшевики и эсеры.

² «Домом свободы» называлось здание, в котором помещался Ташкентский совет рабочих и солдатских депутатов.

³ «Рабочий путь» № 13 от 30 (17) сентября 1917 года.

⁴ 10 сентября 1917 г. в партии эсеров, как известно, произошел раскол на «левых» и правых.

Черкес и Шендриков явились в «Дом свободы». Вместе с ними пришел прокурор окружного суда Барановский.

Несмотря на требования рабочих и солдат Черкес отказался освободить арестованных, ссылаясь на «величайшую опасность, грозящую Ташкенту от самочинных действий арестованных»¹. Попытка выступить и Шендриков, но ему не дали говорить. Возмущение собравшихся было так велико, что в Черкеса после его отказа освободить членов ревкома полетели камни и табуретки. Черкес, раненый, обнажив шашку, убежал.

Солдаты 1 и 2-го запасных сибирских полков, узнав об аресте членов ревкома от товарищей, которым удалось бежать из «Дома свободы», сбили замки у оружейного склада и разобрали винтовки.

Под угрозой разгрома тюрьмы Шендриков и прокурор Барановский дали согласие на освобождение членов ревкома. Ордер на освобождение подписали Гросман и Беликов. В 2 часа ночи члены ревкома были привезены из тюрьмы в «Дом свободы».

Освобожденный ревком вместе с только что избранным исполкомом на ночном заседании постановили арестовать правых эсеров Б. Першина и Терлецкого, генерала Черкеса, командира роты прапорщиков капитана Фролова (корниловца), начальника школы прапорщиков Савицкого; занять почту и телеграф; поставить караул у штаба округа; разоружить школу прапорщиков. Командующим войсками решено было вместо Черкеса назначить поручика Перфильева, комендантом города вместо полковника Атаева — поручика Гриневича, начальником штаба вместо Маккавеева — полковника Белецкого. О происшедших событиях было решено известить все советы Туркестана.

Центральный орган большевиков «Рабочий путь» при оценке событий 12 сентября в Ташкенте решительно высказывался за ревком и новый исполком Ташкентского совета. В статье «Высекли себя» газета писала: «Рабочие и солдаты Ташкента, подчиняясь революционизирующей логике событий, выразили недоверие старому составу исполнительного комитета, и, избрав новый революционный комитет, сместили корниловскую власть, поставили новых, взяли в руки власть и пр. Этого было достаточно для перехват-залихватов Временного правительства, чтобы объявить войну «анархистскому» совету Ташкента... А эсеровские Гамлеты из «Дела народа», бегая петушком вокруг Керенского, глубокомысленно объявили Ташкентский совет «контрреволюционным», потребовали отзыва эсеров из совета...»².

Ташкентский революционный комитет и исполком вскоре получили первую моральную поддержку с мест — приветственную телеграмму объединенного собрания граждан и солдат Чимкента. Затем поступили телеграммы от совета рабочих и солдатских депутатов и общественных организаций города Оша, Ферганской области, и других районов с выражением солидарности и поддержки.

Председательница союза солдаток Ташкента от имени союза приветствовала ревком и исполком. «Я состою председателем того союза, который насчитывает более 4000 обездоленных, бедных, довольных, — писала она. — Я следила за настроением наших членов и знаю, что нам угрожает. Люди озлоблены и изголодались. В Александровском парке их было немало... Призываю вас слушаться своих избранников и поддерживать их. А этим белоручкам, барчукам, самим юнкерам школы прапорщиков надо дать урок, чтобы впредь неповадно было»³.

Краевой совет созвал 13 сентября объединенное собрание с представителями краевых крестьянского и киргизского советов, на котором

¹ «Свободный Самарканд» № 86 от 4 октября 1917 года.

² «Рабочий путь» № 27 от 17(4) октября 1917 года.

³ ИГВ. Т. XII, папка 24, д. 1, стр. 50.

под давлением краевого совета было принято решение не признавать ревкома и исполкома, о чем было опубликовано обращение к населению. В ответ на это исполнительный комитет Ташкентского совета отстранил от работы руководителей краевого совета.

В полной растерянности руководители краевого совета рабочих и солдатских депутатов 14 сентября бежали в Скобелев (ныне Фергана), где было много офицеров и чиновников, на поддержку которых они рассчитывали. В Скобелеве находились член ЦК эсеров правый эсер В. Чайкин, буржуазные националисты Чанышев и Чокаев и бежавшие туда ташкентские правые эсеры Б. Першин и Терлецкий.

В Скобелеве руководители краевого совета установили связь с представителями буржуазии, эсерами и буржуазными националистами и развернули борьбу против Ташкентского совета и ревкома. Чайкин усиленно помогал им, распространяя контрреволюционные слухи о ташкентских событиях. Чайкин отправил телеграмму эсеро-меньшевистскому ВЦИК, в которой писал: «Сегодня ночью Ташкентским советом совершен военный переворот. Образован временный революционный комитет... ВЦИК, оценивая события, должен учесть чрезвычайно тяжелое продовольственное положение края, а также крайне слабую связанность советов с толщей туземного населения»¹. Не ограничившись этим, Чайкин и лидер буржуазных националистов Чокаев в особых телеграммах Керенскому требовали присылки войск для расправы с ревкомом.

Член краевого совета рабочих и солдатских депутатов Фиттерман, присутствовавший в Петрограде на Демократическом совещании, когда узнал о телеграмме Чайкина, потребовал от соглашательского ВЦИК посылки в Ташкент карательной экспедиции. Правого эсера Фиттермана ВЦИК охотно выслушал, с большевиком же Фроловым, делегатом от Самарканда, ВЦИК не хотел разговаривать и мандата его не признал. Только Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов внимательно отнесся к Фролову, поставил его отчет на заседании совета и обещал оказать поддержку Ташкенту.

«Мой мандат в Петрограде не приняли,— писал Фролов в Ташкент.— Когда в Петрограде была получена телеграмма о ташкентских событиях, то всех туркестанцев пригласили на собрание. Фиттерман и другие настаивали на посылке карательного отряда»².

Ревком и исполнительный комитет Ташкентского совета действовали очень активно — фактически вся власть была в их руках. 13 сентября была разоружена школа прапорщиков, арестованы начальник военных сообщений полковник Михайлов, начальник школы прапорщиков полковник Савицкий, командир роты прапорщиков капитан Фролов, комендант города полковник Атаев (председатель ташкентской организации «Дашнакцутюн»); на почту и телеграф был послан представитель ревкома; захвачены были типографии штаба округа и «Нашей газеты»; установлен караул по городу.

Однако ревком и исполком целиком использовать деморализацию врага не сумели благодаря наличию и в ревкоме и в исполкоме эсеровского большинства. А между тем события требовали решительных действий, каждым промахом ревкома пользовались враги — Туркестанский комитет Временного правительства и краевой совет.

Вместо того чтобы разгромить силы контрреволюции, арестовать членов Туркестанского комитета Временного правительства и других его сторонников, захватить почту и телеграф, ревком ограничился арестом только названных выше лиц, дал возможность руководству краевого совета улизнуть в Скобелев, а почту и телеграф оставил фактически

¹ «Война в песках», стр. 72. М. 1935.

² Протокол заседания Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов. ИГВ. Т. XII, папка 24, д. 1, стр. 15.

в руках Туркестанского комитета. Таким образом, ревком очень мало сделал для углубления революции и не воспользовался воодушевлением масс, готовых вступить в бой с Временным правительством.

В момент бегства из Ташкента в Скобелев руководители краевого совета солдатских и рабочих депутатов обратились с воззванием к населению, в котором писали, что краевой совет «отсюда будет продолжать свои обязанности и уверен, что за Ташкентом никто не пойдет. Все советы, комитеты профсоюзов и другие должны телеграфно протестовать против ташкентских захватчиков»¹.

Эсеро-меньшевистские заправилы краевого совета совместно с соглашательским Ферганским областным советом рабочих и солдатских депутатов по телеграфу предъявили такие требования ревкому и исполкому: «Распустить революционный комитет, вернуть к прежним обязанностям Черкеса и всех смещенных» и до «возвращения краевого совета в Ташкент прекратить издание «Нашей газеты»².

Туркестанский же комитет продолжал творить свое контрреволюционное дело. Объединившись с монархистами и их организациями, близкими к черносотенному Союзу Михаила архангела, Туркестанский комитет сеял в городе панику, а также посылал в Петроград ложные телеграммы, задерживая телеграммы ревкома и исполкома. Наливкин в телеграммах просил Керенского о немедленной присылке из Петрограда командующего войсками ввиду возможности в Ташкенте серьезных осложнений.

Наливкин рассылал телеграммы на места, в которых призывал не подчиняться ревкому. «Источником власти,— писал он,— попрежнему остается Временное правительство и поставленные им, перед ним ответственные его представители в лице Туркестанского комитета»³.

Самаркандский областной комиссар Слинко в своих воззваниях к населению писал, что «избрана какая-то кучка людей, назвавшая себя Временным революционным комитетом»⁴, и что с этой организацией нечего считаться. Представитель Туркестанского комитета в Семиречье Шкапский также рассылал на места телеграммы о том, чтобы не исполняли никаких распоряжений «большевиков-мятежников».

Ревком и исполком в течение 13, 14 и 15 сентября поддерживали в городе революционный порядок. В старый город Ташкента была направлена специальная делегация, чтобы приветствовать узбеков в связи с их праздником и рассеять распространяемые Туркестанским комитетом провокационные слухи о готовящемся якобы изъятии у них продуктов и повальных обысках.

Ревком регулировал распределение продуктов, создавал секции для ведения текущей организационной работы, подыскивал помещение для курсов инструкторов по технике выборов в Учредительное собрание и т. д. Но, оставив почту и телеграф в руках врага — Туркестанского комитета,— ревком лишил себя телеграфной связи с местами и оказался не в состоянии информировать их о событиях в Ташкенте.

Почтово-телеграфные чиновники, служащие Общества взаимного кредита, союз торгово-промышленных служащих и краевой почтово-телеграфный союз, среди которых было много правых эсеров и меньшевиков, попытались с самого начала, в дни наиболее напряженной работы ревкома, нанести ему серьезный удар: они приняли резолюцию, в которой требовали немедленного ареста и предания суду революционного комитета и его ставленников, немедленного командирования правительством генерального комиссара, снабженного всей полнотой власти, для установления «порядка» в крае.

¹ «Свободный Самарканд» № 76 от 21 сентября 1917 года.

² «Свободный Самарканд» № 74 от 19 сентября 1917 года.

³ Там же.

⁴ Там же.

Фракция правых эсеров гласных думы на заседании городской думы 15 сентября заявила, что «отказывается от санкции максималистских и большевистских тенденций своим участием в революционном и исполнительном комитетах и слагает с себя всякую ответственность за дальнейшее»¹.

Меньшевистско-эсеровские советы: Самаркандский, Ферганский, Наманганский, Казалинский, Кокандский, Пишпекский (Фрунзе), Верненский (Алма-Ата), Керкинский, Петро-Александровский — приняли резолюции, осуждающие выступление ташкентских рабочих и солдат.

Совет города Верного постановил запросить Керенского об отношении Временного правительства к событиям в Ташкенте. Ферганский областной совет 15 сентября предложил созвать краевой съезд советов в одном из городов края, но не в Ташкенте, для обсуждения происходящих в Ташкенте событий. Правый эсер Чайкин обратился ко всем советам края с призывом поддержать краевой совет в его борьбе с Ташкентскими исполкомом и ревкомом. Краевой совет рассылал во все стороны телеграммы и письма с просьбами о помощи в борьбе с ташкентскими большевиками и ревкомом.

На стороне же ревкома были массы; его главной опорой были рабочие железнодорожных мастерских и трамвая — основные кадры ташкентского пролетариата, — а также рабочие других предприятий и союзы трудящихся мусульман — «Иттифаки», — большинство производственных союзов, мелкие воинские команды, 1 и 2-й запасные сибирские полки.

Ревком получил приветственные телеграммы от гарнизонов Самарканда, Андижана, Катта-Кургана, Кушки. Перовск одобрил действия ташкентских большевиков и советовал им стойко держаться. Кушкинский совет требовал немедленного переизбрания позорно бежавшего краевого совета. Джизакский гарнизон прислал приветствие Перфильеву, избранному командующим войсками округа. В Ашхабаде под председательством большевика Житникова (погибшего в июле 1918 г. в числе 9 ашхабадских комиссаров от рук эсеров, поднявших по указке английских империалистов контрреволюционное восстание в Закаспии совместно с меньшевиками и буржуазными националистами) образовался революционный комитет, который работал до 29 сентября, после чего был распущен.

Чем больше углублялась революция в Узбекистане, тем сильнее давали себя знать расхождения большевиков с меньшевиками и «левыми» эсерами — членами исполнительного комитета и ревкома — по вопросу о дальнейших действиях. Эсеры не соглашались с большевиками, что захват власти должен быть окончательным. У эсеров стали проявляться свойственные им трусость и колебания. Так, председатель совета «левый» эсер Черневский заявил, что он непричастен к сентябрьскому выступлению масс.

Такую же трусость и колебания проявили и меньшевики. Они хотя и поддерживали Временное правительство, но в то же время стояли и за борьбу с корниловцами через советы, как наиболее демократические организации. Несмотря на словесные заявления на деле их борьба с корниловцами была непоследовательной и нерешительной. Большевики и меньшевики в Ташкенте, как и в некоторых других местах, в 1917 г. входили в одну общую, объединенную организацию. Хотя большевики Туркестана по всем важнейшим вопросам выступали самостоятельно, тем не менее пребывание их вместе с меньшевиками в одной объединенной организации РСДРП противоречило решениям апрельской конференции РСДРП(б) и являлось политической ошибкой.

15 сентября в Ташкенте, на заседании объединенной социал-демократической организации, член ревкома, большевик, изложил отношение

¹ «Туркестанские ведомости» № 148 (210) от 13 октября 1917 года.

большевиков к Демократическому совещанию и к вопросу об организации власти. Он заявил: «Мы должны были исполнить волю народа и взять власть в свои руки. В настоящее время Россия покрывается революционными комитетами и бояться расхождения с Всероссийским центральным исполнительным комитетом СР и СД нечего, если разойдемся с Центральным исполнительным комитетом, то значит, что ВЦИК не отражает настроения всей России. Демократическое совещание для нас не авторитетно, если совещание выскажется за коалиционное правительство, то этому решению не подчинимся. Вся железнодорожная линия на стороне революционного комитета»¹.

В противоположность этому меньшевики внесли резолюцию, в которой предлагали всем членам объединенной социал-демократической организации, вошедшим в состав революционного и исполнительного комитетов, совместно со всеми демократическими организациями и Туркестанским комитетом Временного правительства создать временный орган власти до того момента, пока будет организована власть в центре и создана власть в крае. Меньшевики требовали упразднения ревкома, доказывая, что всю власть нужно сосредоточить в руках исполкома. Поведение меньшевиков показало большевикам, что ревком и исполком необходимо переизбрать, и большевики потребовали переизборов.

Рабочими среднеазиатских железнодорожных мастерских и в запасных сибирских полках была принята резолюция о том, что власть можно взять только вооруженной борьбой, что теперешний ревком власти не возьмет, необходимо ревком переизбрать, очистить его от случайных элементов. Таких же взглядов придерживались железнодорожники, а также металлисты, строительные и кожевенные рабочие и печатники.

15 сентября по требованию большевиков президиум исполкома Ташкентского Совета и некоторые члены ревкома были переизбраны. Новый исполком состоял из 14 «левых» эсеров, 13 большевиков, 4 меньшевиков-интернационалистов и 3 беспартийных. Большевиков в новом составе исполкома было больше чем в прежнем. Новый исполком деятельно взялся за работу, но уже на следующий день обстановка в Ташкенте резко изменилась. В ночь на 16 сентября от Керенского была получена телеграмма, ободрившая притаившиеся, но готовые броситься в бой силы сторонников контрреволюционного Временного правительства. Керенский писал: «Преступная попытка Ташкентского совета расшатать на далекой окраине власть республиканского правительства является явно контрреволюционной и будет признана мятежом со всеми последствиями такого признания. Захватчики власти... которые в двадцать четыре часа не подчинятся представителям Временного правительства, понесут наказание по всей строгости закона»². Далее Керенский предлагал немедленно освободить всех арестованных и восстановить везде порядок, «не отступая перед действием вооруженной силой. Высылаются войска и пулеметы. Генеральный комиссар и командующий войсками выезжают»³.

Товарищ Сталин по поводу посылки Керенским карательной экспедиции в Ташкент писал: «Невероятно, но факт. Сидящий в Директории питерский эсер Керенский, вооружившись «пулеметами», выступает походом прогив эсеров, сидящих в Ташкентском Совете, а центральный орган партии эсеров «Дело народа» глубокомысленно молчит, как будто это его не касается! Эсер Керенский собирается резаться с эсерами из Ташкента, а «Дело народа», печатая погромный «приказ» Керенского, находит возможным обойти его молчанием, соблюдая, очевидно, «нейтралитет!»⁴.

¹ «Туркестанские ведомости» № 147 (209) от 29 сентября (12 октября) 1917 года.

² «Война в песках», стр. 74—75.

³ Там же.

⁴ И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 171.

Наливкин, официально объявивший себя главнокомандующим, разослал телеграмму Керенского по всем областям и уездам с припиской о том, что в целях сохранения спокойствия необходимо немедленно заявить Туркестанскому комитету Временного правительства о своей готовности подчиниться Временному правительству и Туркестанскому комитету, который обладает полнотой военной и гражданской власти.

В Ташкент спешно выехали представители соглашательского Ферганского областного совета: правые эсеры во главе с Чайкиным, буржуазный националист Чокаев и др. Они намеревались оказать «содействие Турккомитету в борьбе против Ташкентского совета»¹. Чайкин, доказывая «преступность и легкомыслие ташкентского захвата»², требовал должного наказания.

Вечером 16 сентября в Ташкенте было тревожно. Притаившиеся сторонники Временного правительства начали вооружать «верные» части. Писаря штабов и управлений получили оружие. Юнкера школы прапорщиков, разоруженные исполкомом, устранив охрану артиллерийского склада, взломали пакгаузы с оружием и разобрали его. Черкес и другие арестованные ревкомом лица были освобождены. Утром 17 сентября Турккомитет получил короткую, но многозначительную телеграмму от министра внутренних дел, почт и телеграфов Никитина: «Посылается военная экспедиция, держитесь стойко»³.

Эсеро-меньшевистский Всероссийский центральный исполнительный комитет в телеграмме от 17 сентября резко высказался против действий Ташкентского совета и временного ревкома. ВЦИК объявлял всем рабочим, солдатам, гражданам, что будут приняты самые энергичные меры для подавления таких выступлений. ВЦИК требовал немедленного упразднения революционного комитета, немедленного освобождения всех арестованных комитетом и восстановления в правах прежнего исполнительного комитета. ВЦИК предупреждал, что правительство отправляет в Ташкент войска и что вина за кровопролитие в случае неисполнения требований правительства падает на членов комитета.

Рассчитывая на скорое прибытие военного комиссара и карательного отряда, ташкентская контрреволюция развивает усиленную агитацию против ревкома и Ташкентского совета. Узнав об этом, исполком вызвал Наливкина для переговоров. Но Наливкин не явился. Солдаты 1-го запасного сибирского полка, узнав об отказе Наливкина явиться в исполком, силой доставили его в «Дом свободы», где ему было объявлено, что он арестован.

Наливкин, учитывая свое положение, всячески оправдывал посылку им телеграммы Керенскому и соглашался разоружить школу юнкеров.

В 2 часа ночи Наливкин был отпущен. С него взяли слово приехать в исполком на следующий день для выработки окончательного соглашения. Но Наливкин, очутившись на свободе, и не подумал сдержать слово, он решил не вступать в переговоры с «мятежниками».

Городская дума Ташкента была солидарна с Туркестанским комитетом. Собрания городской думы проходили под лозунгом «Никакой власти, кроме Временного правительства!» На объединенном совещании городской думы, адвокатуры, офицеров члены думы выступали с черносотенными речами. Гласные — представители буржуазно-националистической организации «Улемы» — пугали голодом, предсказывая, что скоро исчезнет хлеб в старом городе, требовали удаления солдат из старого города. Правые эсеры говорили, что ни один «социалист и демократ не может признать Ташкентского революционного комитета, избранного на случайном митинге», и упрекали крайовой совет и генерала Черкеса в по-

¹ ЦАУ УзССР, ф. Фероблсовета, 1917 г., арх. 1, л. 33.

² «Туркестанские ведомости» № 209 от 29 сентября (12 октября) 1917 года.

³ ЦАУ УзССР, Турккомитет, арх. 25, лл. 95—96.

спешности ареста членов ревкома, считая, что «позднее это можно было бы сделать совершенно безболезненно»¹.

Другие гласные думы требовали немедленной расправы с революционными рабочими и солдатами, с Ташкентским советом и исполкомом. Но, бессильное что-либо сделать, зная, что нет надежных воинских частей на стороне Туркестанского комитета, совещание отклонило требование о немедленной расправе с рабочими и солдатами и в своей резолюции предложило Туркестанскому комитету вести выжидательную политику².

Наливкин потребовал исполнения телеграммы Керенского, поставив перед исполкомом ультимативный срок—24 часа—и заявив, что в случае неподчинения будет пущена в ход военная сила. В ответ на это объединенное собрание Ташкентского совета и ревкома, происходившее в «Доме свободы», в принятой резолюции заявило протест против действий Туркестанского комитета Временного правительства, «направленных против органов ташкентской демократии в лице исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов», и требовало «не подвергать репрессиям войска, преданные революции. Образовать следственную комиссию для расследования действий командного состава и школы прапорщиков»³. Кроме того собрание считало недопустимым предъявление Туркестанским комитетом «требования ультимативного характера»⁴.

Решение Ташкентского совета было поддержано массами: рабочие железнодорожных и трамвайных мастерских, а также рабочие других предприятий Ташкента, угрожая забастовкой, требовали отмены ультиматума Туркестанского комитета Временного правительства.

Под давлением трудовых масс Наливкин 18 сентября подписал следующее соглашение с исполнительным комитетом совета рабочих и солдатских депутатов:

«1. Ультиматум, предъявленный исполнительному комитету Ташкентского совета Сол. и Раб. Деп. заявлением Туркестанского комитета от 17 сентября считается аннулированным.

2. Гарантируется неприкосновенность лиц и частей, участвовавших в последних событиях.

3. Туркестанский комитет посылает телеграфное сообщение полковнику Коровниченко (копия Керенскому) о ненужности карательного отряда ввиду спокойствия и порядка в городе.

4. Телеграмма исполнительного комитета, а равно корреспонденция, адресованная на его имя, не подвергается цензуре и не задерживается»⁵.

На самом деле Наливкин и не думал выполнять это соглашение. Он подписал его для того, чтобы выиграть время. О ненужности посылки в Ташкент карательного отряда Керенскому он не написал и с нетерпением ждал приезда отряда.

Ташкентский совет на экстренном собрании потребовал от Наливкина выполнения обязательств, угрожая объявлением всеобщей забастовки. Но угроза не подействовала на Наливкина. Тогда 18 сентября большевики и центральное бюро профсоюзов выпустили воззвание с призывом к забастовке.

18 сентября на заседании Ташкентского совета было принято решение послать 8 человек по Ташкентской железной дороге для правильной информации о событиях.

В Петрограде 18 сентября состоялось заседание «Совета пяти» под председательством Керенского, которое было целиком посвящено обсуждению «беспорядков» в Туркестанском крае и принятию срочных мер к их прекращению. Керенский сообщил, что 17 сентября он вел по

¹ «Туркестанские ведомости» № 145 (207) от 20 октября 1917 года.

² «Наша газета» № 120 от 19 сентября 1917 года.

³ ЦАОР, ф. 3, оп. 1, д. 55, 1917 год.

⁴ «Туркестанские ведомости» № 217 от 8(21) октября 1917 года.

⁵ «Туркестанские ведомости» № 218 от 10 октября (23 сентября) 1917 года.

прямому проводу переговоры с Самарой, с командующим Казанским военным округом Коровниченко, посланным в Ташкент во главе карательной экспедиции. «Временное правительство убеждено, что решительными мерами, которые приказаны Коровниченко, беспорядки в Туркестане будут прекращены»¹.

На заседании была прочитана телеграмма председателя краевого исполнительного комитета и члена местного комитета почтово-телеграфной организации, адресованная Центральному почтово-телеграфному комитету: «В Ташкенте надвигаются большие беспорядки. Вся власть захвачена шайкой темных личностей, выступавших на митинге. Части двух полков перешли на сторону контрреволюции. Положение ужасное: полное неподчинение Временному правительству... Лично переговорите с Временным правительством и просите принять скорейшие меры... В случае ареста Туркестанского комитета, сообщения по его поручению будут делаться нами. Просим учредить на телеграфе в Петрограде дежурство представителей Временного правительства»².

Керенский был в курсе событий, происходивших в Ташкенте. Шендриков и Наливкин, ведя переговоры с исполнительным комитетом, в то же время регулярно сообщали Керенскому о результатах этих переговоров, о грозящей забастовке рабочих³.

Эсеры были недовольны Наливкиным за то, что последний подписал договор с исполкомом совета, хотя, как было им известно, этот договор должен был служить лишь средством для отвода глаз и обмана. Но уже то, что Наливкин разговаривал с исполкомом, вызывало раздражение эсера Чайкина. Последний не был уверен в Наливкине и требовал от Керенского присвоить «президиуму краевых организаций до приезда генерального комиссара права совещательного учреждения при Туркестанском комитете, ввиду неустойчивости Туркестанского комитета и попыток буржуазных кругов воздействовать на него справа»⁴.

19 сентября, в 4 часа дня, представители краевых организаций постановили образовать при Туркестанском комитете временное совещание, так как действия Наливкина им казались медлительными и нерешительными. Наливкин заявил, что не нуждается в совещательном органе и сам позаботится о восстановлении порядка.

В это время Шендриков поддерживал связь с Коровниченко и по прямому проводу передал ему сведения о силах Временного правительства. В Ташкенте насчитывалось 400 прапорщиков, вооруженных пулеметами и ручными бомбами, 300 юнкеров, также вооруженных, ударный батальон в 250 человек, казачий конвой Турккомитета в 58 человек и некоторые мелкие команды⁵. Шендриков обрисовал Коровниченко положение в Туркестане так: артиллерии, преданной Временному правительству, не было; железная дорога от Оренбурга до Ташкента требовала особой осторожности; в Перовске неблагополучно; из Казалинска не выпускалась 4-я сотня оренбургского полка.

Ташкентский исполком деятельно готовился к борьбе. По гарнизонам была разослана телефонограмма, призывавшая солдат сохранять полное спокойствие и не выходить из казарм без указания исполнительного комитета; в телефонограмме предлагалось установить непрерывное дежурство в полковых и ротных комитетах, а также прислать солдат для несения дежурства в исполкоме.

Кроме того было разослано письмо за подписью председателя исполнительного комитета и командующего войсками Перфильева о необходимости в любой момент быть готовыми защищать свой совет и выста-

¹ «День» № 167 от 19 сентября 1917 года.

² «Рабочий путь» № 14 от 19 сентября 1917 года.

³ ЦАОР, ф. 3, оп. 1, д. 55, 1917 г., л. 24.

⁴ «Дело народа» № 162 от 23 сентября 1917 года.

⁵ ЦАОР, ф. 3, оп. 1, д. 55, 1917 год.

вить усиленные караулы к складам оружия, патронов и пороха и иметь тщательное наблюдение за этими складами; поддерживать постоянную связь полкового комитета с ротами, чтобы в случае тревоги можно было быстро оповестить роты; наблюдать за частными лицами, чтобы те не распространяли ложных слухов; самим же без указания исполкома не выступать.

В ответ на телеграмму ВЦИК исполком послал телеграмму председателю Демократического совещания Чхеидзе, военному министру Верховскому, Московскому и Петроградскому советам солдатских депутатов. В телеграмме исполком требовал задержать карательную экспедицию. Исполком сообщал, что с трудом сдерживает солдат и рабочих от выступления. Рабочие бастуют под лозунгом поддержки совета и его исполнительного комитета. Телеграмма не дошла по назначению, так как была перехвачена Туркестанским комитетом.

Между тем Керенский торопил Коровниченко выехать «с возможной поспешностью, ни в какие переговоры с мятежниками не вступать. Дальнейшие колебания недопустимы, необходимы самые решительные меры»¹.

Туркестанский комитет Временного правительства регулярно сообщал Коровниченко о событиях и настроениях в Ташкенте. 20 сентября Турккомитет отправил следующую телеграмму коменданту Оренбурга: «Сообщите едущим с воинским эшелоном генеральному комиссару Туркестана Коровниченко и его помощнику Елпатьевскому телеграмму из Ташкента 18 сентября. Положение обостряется. Мусульманской среде волнение. Революционный комитет караул на телеграфе усилил. Двинуты две роты в парк для устройства митинга. Революционный комитет выпустил срочное воззвание о неправильном информировании Временного правительства о событиях в Ташкенте»².

Керенский успокаивал Шендрикова, что по приезде Коровниченко в Ташкент «представители правительства, опираясь на разумные общественные силы, в ближайшем будущем окончательно установят порядок в Туркестане»³.

Посылка карательной экспедиции, призывы Керенского к расправе с ташкентскими рабочими и солдатами усиливали революционные настроения среди рабочих, дехкан и солдат.

Профсоюзные организации обратились к рабочим, служащим и солдатам с призывом не допускать кровавой бойни, подготовляемой Временным правительством.

Участник гражданской войны в Туркестане, бывший рабочий типографии при штабе военного округа, в своих воспоминаниях пишет, что до сентябрьских дней в типографии было 3—4 большевика и сочувствующих, большинство рабочих сочувствовало меньшевикам. В сентябрьские дни, до приезда Коровниченко, ячейка большевиков выросла до 20—22 человек, а после сентября — до 50 человек. В военных частях, в 1 и 2-м запасных сибирских полках также увеличилось число членов партии и сочувствующих.

В 1-м запасном сибирском полку командир полка был смещен солдатами за то, что не позволил им разобрать патроны в цейхгаузе; вместо него был выбран другой. В 15-й и других ротах 2-го запасного сибирского полка солдаты сменили своих ротных командиров. Занятия в полках не производились, ежедневно происходили митинги.

В эти дни большевики Ташкента, опираясь на помощь трудящихся масс узбеков, киргизов, сыграли большую роль. Для правильной и подробной информации рабочих и трудящихся о сентябрьских событиях большевики послали по Среднеазиатской и Ташкентской железным дорогам

¹ ЦАОР, ф. 3, оп. 1, д. 55, 1917 г., л. 8.

² ЦАОР, ф. 3, оп. 1, д. 55, 1917 г., л. 8.

³ «Свободный Самарканд» № 90 от 8 октября 1917 года.

агитаторов, которые призывали трудящихся присоединиться к ташкентской забастовке.

Посылка агитаторов вызывалась тем, что рабочие и дехкане не знали истинного положения вещей, исполком и Ташкентский совет извещать о событиях не могли, так как почта и телеграф были в руках Туркестанского комитета Временного правительства. Три агитатора были посланы на Ташкентскую железную дорогу, пять — на Среднеазиатскую.

Трудящиеся Узбекистана с энтузиазмом откликнулись на призыв большевиков и центрального бюро профсоюзов начать забастовку в знак протеста против посылки экспедиции Коровниченко¹. Образован был стачечный комитет. По его постановлению 20 сентября, в 4 часа дня, началась всеобщая забастовка. Сигналом к ней послужил тревожный гудок среднеазиатских железнодорожных мастерских. Первыми забастовали рабочие мастерских Среднеазиатской и Ташкентской железных дорог.

Всеобщая забастовка охватила 40 профсоюзов²: всех рабочих трамвая, электростанции, типографий, предприятий, работающих на оборону, извозчиков, фонарщиков. Отказались бастовать лишь почтово-телеграфные и торгово-промышленные служащие. Агитаторы-большевики рассыпались по городу, они выступали на предприятиях, призывая к забастовке тех, кто еще не осознал важности момента. Рабочие охотно присоединялись к бастующим.

Наливкин попытался при помощи саперов пустить в ход электрическую станцию б. Бельгийского общества, но это ему не удалось: рабочие испортили машины. Город погрузился во мрак. Главным требованием рабочих было немедленное отозвание карательной экспедиции.

В связи с забастовкой председатель Турккомитета объявил Ташкент на военном положении, запретил демонстрации и митинги и выслал наряды войск для охраны банков, почты и телеграфа.

Краевой совет рабочих и солдатских депутатов, а также совет мусульманских и совет киргизских депутатов, где было засилье эсеров, меньшевиков и буржуазных националистов, не поддержали забастовки.

Утром 20 сентября прибыла в Ташкент сотня казаков, направлявшихся из Семиречья в Хиву. Рабочие и солдаты встретили казаков на вокзале и рассказали им о ташкентских событиях. До вечера сотня казаков находилась на вокзале, только вечером Турккомитету удалось перевести ее в казармы. Вечером прибыла сотня казаков оренбургского полка, которая двигалась в Бухару. Казаки были высажены на станции Келес и в целях предосторожности отправлены Наливкиным в Ташкент ночью походным порядком³. Обе сотни были задержаны в Ташкенте Туркестанским комитетом.

В это время карательная экспедиция Коровниченко подходила к Ташкенту; ее сопровождали комиссар Временного правительства Елпатьевский и член ВЦИК Захватаев. Попытки трудящихся Туркестана задержать карательную экспедицию не дали результатов из-за предательской роли меньшевиков и эсеров, заседавших в советах и исполкомах. Меньшевики и «левые» эсеры, работавшие в исполкоме, по мере приближения карательной экспедиции начали все в большей степени проявлять свою трусливую и оппортунистическую сущность.

Большевики в эти дни развили энергичную деятельность: большевик А. Першин и другие были командированы 21 сентября в Петроград для правильного освещения сентябрьских событий в Ташкенте. К ним внимательно отнесся Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. На заседании Петроградского совета от имени исполкома

¹ ЦАУ УзССР, ф. Ташкентского (Новгородского) исполкома, 1917 г., арх. 1, лл. 117—120.

² «Рабочий путь» от 4 октября (21 сентября) 1917 года.

³ ЦАУ УзССР, ф. Ташкентского (Новгородского) исполкома, 1917 г., арх. 1, лл. 131—132.

и фракции большевиков выступил Володарский, который следующим образом обрисовал тактику Временного правительства и ВЦИК. Временное «правительство... желает анархии в стране, — сказал он, — для того, чтобы подавить революционную демократию. ЦИК вел себя позорно, санкционировав посылку карательной экспедиции в Ташкент»¹. Петроградский совет принял резолюцию, в которой выражал готовность оказать всяческую поддержку революционным силам Ташкента².

Сторонники Временного правительства с приближением карательной экспедиции к Ташкенту все выше поднимали голову. Они закрыли «Нашу газету» — орган Ташкентского совета, — разгромили «Дом свободы». Туркестанский комитет Временного правительства действовал в Ташкенте так же, как и его хозяин — Временное правительство — в июльские дни в Петрограде, где при помощи юнкеров были разгромлены типография и редакция большевистской газеты «Правда».

Товарищ Сталин в статье «Ждать вам — не дожидаться...» писал, что если Временное правительство остается у власти, «если оно, творя волю меньшинства, собирается господствовать над явно враждебным большинством, то ясно, что оно может рассчитывать лишь на одно: на насилие над массами. Никакой другой опоры у такого правительства нет и не может быть».

Поэтому не случайность тот факт, что первым шагом правительства Керенского-Коновалова послужил разгром Совета в Ташкенте»³.

24 сентября карательная экспедиция Коровниченко прибыла в Ташкент. В ее составе были пехота, пулеметные роты, броневая рота и легкая артиллерия.

В день приезда Коровниченко по всей линии Среднеазиатской железной дороги прекратилось пассажирское движение. Пролетариат почти всех предприятий Ташкента продолжал начавшуюся еще 20 сентября по призыву большевиков забастовку протеста против карательной экспедиции. Рабочие старались сагитировать приехавших с карательной экспедицией солдат пензенской кавалерийской бригады. Выяснилось, что солдаты не знали, для чего их везут. Им сказали, что они едут подавлять восстание против революции. Узнав правду, солдаты заявили, что не будут выступать против большевиков.

Прибыв в Среднюю Азию, Коровниченко в донесениях Керенскому с большой тревогой писал, что военные части Ташкента не внушают ему доверия, что на артиллерию положиться нельзя, что продовольственная нужда достигла размеров народного бедствия. Не помогают посещения воинских частей военным комиссаром Ивановым и членом ВЦИК меньшевиком Захватаевым. Военные части высказываются против Временного правительства.

27 сентября 1917 г. Коровниченко, донося Керенскому о своих неудачах, сообщил, что он решил сделать последнюю попытку в 1-м запасном сибирском полку: «Выделить из полка наиболее зараженных солдат и офицеров, и если оздоровления не будет, то придется полк расформировать»⁴.

Желая ослабить силы революции, Коровниченко объявил демобилизацию преданных совету частей, но те отказались ехать по домам. Узнав об этом, Коровниченко приказал лишить их пайка.

Коровниченко старался спровоцировать рабочих, солдат и дехкан на преждевременное выступление, чтобы воспользоваться их неподготовленностью и подавить восстание. Он пытался вывести часть войск из Ташкента под предлогом отправки их на фронт, разоружил крепостную роту в Ташкенте, пытался натравить местное население на русских. Но

¹ «Речь» № 232 от 3 (16) октября за 1917 год.

² «Известия ЦИК» № 187 за 1917 год.

³ И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 179

⁴ ЦАОР, ф. 3, оп. 2, д. 55, лл. 22—27.

масса на провокацию не поддавалась. В Туркестане поднялась новая волна стачек и забастовок, усилилась классовая борьба между коренным трудовым населением и национальной буржуазией.

Началась новая страница борьбы трудящихся Туркестана, которая окончилась для них победой.

То упорство, с которым велась борьба ташкентского пролетариата и трудящихся, можно объяснить решительным поведением большевиков, стоявших в сентябрьские дни во главе масс и пользовавшихся поддержкой рабочих, солдат и коренного населения.

Сентябрьские события в Ташкенте явились одним из предвестников Великой Октябрьской социалистической революции. События эти сигнализировали рабочему классу России, готовившемуся под руководством партии Ленина — Сталина к вооруженному восстанию, о том, что пролетарская революция имеет серьезные резервы на окраинах. Они говорили о резком обострении всех противоречий, которые накопились в Туркестане, как в национально-колониальном районе.

Сентябрьские события явились стихийным выступлением масс против попыток установления генеральской диктатуры, против контрреволюционного Временного правительства, за власть советов.

Однако переход власти в руки Ташкентского совета отнюдь не означал бы установления диктатуры пролетариата в Туркестане. Для победы диктатуры пролетариата необходимо было победоносное вооруженное восстание и разгром сил контрреволюционного Временного правительства в центре страны.

Большевики Туркестана поняли причину движения и попытались стать во главе его. Но они не сумели добиться безраздельного влияния на массы трудящихся. Причины нужно искать в том, что отдельной большевистской организации в Туркестане в тот период не было, пребывание большевиков в объединенной с меньшевиками организации было огромной политической ошибкой: оно связывало действия большевиков, мешало до конца разоблачить меньшевиков, тормозило развитие и углубление революции. Кроме того большевики Туркестана, выступая единым фронтом с «левыми» эсерами ради того, чтобы усилить союз рабочего класса и крестьянства, не сумели по-настоящему возглавить этот фронт.

Сентябрьские события свидетельствовали о том, что «кризис назрел» (Л е н и н). В этом и заключается значение сентябрьских событий в Ташкенте не только для Средней Азии, но и для России. Сентябрьские события явились для трудящихся Туркестана подготовкой к Октябрю.
